

The
Economist

Владимир Зеленский своими словами

Стенограмма его встречи с нашими журналистами

27 марта 2022 г.

25 МАРТА 2022 ГОДА президент Украины лично говорил с «The Economist» о том, что он и его сотрудники стали называть «крепостью». Вот основные моменты того, что он нам рассказал, **свободно** переключаясь между английским, украинским и русским языками. Мы отредактировали их для ясности.

The Economist: Вы актер и президент. **Теперь вас называют Черчиллем 21 века.** Это экстраординарное изменение. Как это произошло?

Владимир Зеленский: Я думаю, что эти изменения уже произошли в **Украине, когда меня избрали.** Это то, чего [люди] хотели. Они видели **мою честную позицию во всем.** Как говорит твой отец, если ты не знаешь, как сделать что-то так или иначе, будь честным, и все. Ты должен быть честным, чтобы люди тебе поверили. Вам не нужно пытаться. Вам нужно быть собой. И, может быть, после того, как ты покажешь, кто ты есть, может быть, люди будут любить тебя больше, чем раньше, потому что увидят, что ты не такой

уж сильный или временами ленивый. Нет, каждый раз не лгите и не показывайте людям, кто вы есть на самом деле. И важно не показывать, что ты лучше, чем ты есть.

ТЭ: Вы всегда были такой смелой? Быть таким сильным человеком?

ВЗ: Дело не в храбрости. Я должен действовать так, как я. Я должен сделать это таким образом. Никто из нас не был готов к войне до ее начала. Вы не можете сказать: «Если бы я был Президентом Украины, то сделал бы это так», потому что вы не представляете, что бы это значило. И ты даже не представляешь, как ты это сделаешь. Так было и в этом случае со мной. И все люди вокруг меня.

ТЭ: Но вы изменили способ управления?

ВЗ: Да, конечно. Я понял, что происходит. Я понял много месяцев назад, что происходит. Это [это] очень большая история. Это касается не только Украины. Это о мире, о политиках мира, и я думаю, что мы сможем поговорить об этом после победы. Да, и я надеюсь, что мы победим. Я уверен, что мы победим. Вот почему я говорю, что я не герой. Я понял, что происходит. Я хотел изменить отношение к Украине. С одной стороны, дело не в том, у кого больше оружия или денег, газа, нефти и т. д. Вот почему у нас должна быть свобода воли. Это первое, что я понял.

ТЭ: Можете ли вы вспомнить момент, когда вы поняли, из-за чего будет конфликт с Россией?

ВЗ: Думаю, это было, когда я стал президентом. Я мог понять, почему некоторые вещи происходят определенным образом, и старался быть честным со многими мировыми лидерами, в том числе и с российскими, конечно. У нас были встречи. Вы помните нашу первую встречу, нашу первую и последнюю встречу в 2019 году с Путиным на переговорах «нормандской четверки»?

Мы начали приходить к решению, что мы не можем быть частью кого-то. Я хотел изменить отношение к Украине, потому что, просто для ясности, украинцы — это такие же люди, как люди [в] США, Европе и России. Мы такие же. Мы на одном уровне. Дело не в том, у кого больше оружия или денег, газа или нефти и так далее. И именно поэтому у нас должна быть свобода воли. Вот что я понял, первое, что я понял, что у нас, людей, есть [агентство]. Люди — лидеры, а политические лидеры — неудачники, некоторые из них. Мы начали действовать таким образом и развивать эту политику.

ТЭ: То есть сейчас вы обращаетесь к людям Запада, а не к их политикам?

ВЗ: Да. Ну конечно; естественно. Я так думаю. Иногда мне кажется, что политики живут в информационном вакууме. Мы видим, что сейчас с Путиным сложилась закрытая атмосфера. Значит, он не знает. Я не могу описать всего, что с ним происходит. Я не могу этого описать, потому что не знаю, с кем он разговаривает каждый день, каждую неделю или каждые две недели. Это информация, которой у нас нет. Это означает, что он не может понять или не может знать, что происходит снаружи. Даже я, когда началась война, а я очень открыт для людей... Даже я, если бы я сидел в офисе и не выходил на улицу три-четыре дня, у меня не было бы верной информации о том, что происходит в мире.

ТЭ: Когда началась война, вы вдруг щелкнули и подумали: «Это то, что люди хотят, чтобы я делал... и я это делаю». Или это было ваше решение, когда вы думали: «Это то, чем я занимаюсь, и вы должны меня поддерживать»?

В.З.: Я думаю, что никто, никто не понимал, что делать, когда это началось. Я был в Киеве, в доме, в резиденции. Я был дома в этот момент. Было 04:50 утра. С женой и детьми. Они разбудили меня. Мне сказали, что были громкие взрывы. Через пару минут я получил сигнал, что идет ракетный обстрел. Они не знали, что происходит. Мы знали, что они готовятся [к атаке]. Мы это знали, конечно. Первым делом мы объявили чрезвычайное положение, а через пару дней на заседании СНБО объявили военное положение. Мы понимали, что русские могут атаковать, но не понимали масштабов.

ТЭ: Давайте поговорим сейчас, о том, где мы находимся на данном этапе войны. Как вы думаете, есть ли у вас шанс выиграть?

ВЗ: Мы верим в победу. Ни во что другое поверить невозможно. Мы обязательно победим, ведь это наш дом, наша земля, наша независимость. Это просто вопрос времени.

ТЭ: Как выглядит украинская победа?

ВЗ: Победа — это возможность спасти как можно больше жизней. Да, чтобы спасти как можно больше жизней, ведь без этого ничто не имело бы смысла. Наша земля важна, да, но в конечном счете это просто территория. Я не знаю, как долго продлится война, но мы будем сражаться до последнего города, который у нас есть. С самого начала, когда вы выбираете вариант, что люди должны делать или не делать, люди не

понимают, что такое полноценная война. Моя работа — дать сигнал, чтобы люди знали, как действовать.

И когда ты показываешь, как должна вести себя Украина, ты тоже должен вести себя соответственно. Было принято решение остаться или уйти. Мы все ранены и ранены одинаково. [Мое решение остаться] было моим сигналом людям о том, как мы должны реагировать на нападение. О том, как началась война и чем она закончится. Это закончится тем, что мы все еще будем стоять здесь и защищаться.

Это мой ответ на вопрос о том, какой будет победа Украины. Наша победа может быть временной, может быть, без решения всех вопросов, но мы выбрали направление, в котором будем двигаться.

ТЕ: Вам нужна дополнительная помощь, чтобы победить? И если да, то какой?

ВЗ: У нас есть длинный список вещей, которые нам нужны. Во-первых, поставить себя на наше место и действовать на опережение, а не после того, как ситуация осложнится. Это касается наших стран-партнеров. Здесь речь идет о санкциях. **Я уверен, что если бы раньше были введены более жесткие санкции, то полномасштабной российской атаки не произошло бы.**

ТЭ: Вы имеете в виду, что **этого бы не произошло?**

В.З.: Это было бы в другом масштабе и без помощи Беларуси, что дало бы нам больше времени. Они бы показали Беларуси, что может произойти, если будут приняты упреждающие санкции в отношении российского бизнеса, экспорта нефти и газа и т. д., и это с учетом того, что белорусы не поддерживают [войну России против Украины]. Упреждающие санкции дали бы украинским военным больше времени для подготовки к дальнейшему вторжению России.

Я поднимал газопровод «Северный поток - 2» вместе с Байденом и Меркель, когда она еще была у власти, и Шольцем. Я сказал, что первым шагом будет ее запуск, потом нам перекроют поставки газа, а потом будут давить, в том числе и на Молдову, а потом Россия перекроет поставки, чтобы расколоть страны внутри ЕС. После этого следующим шагом будет начало вторжения. Россия добивалась от Украины официального признания суверенитета России в Крыму и оккупированных Россией территорий в Донецкой и Луганской областях. Они также подтолкнули Европу к тому, чтобы заставить нас сделать это.

Что не сделано? [Наши западные партнеры] не отработали санкции по отключению банковской системы от SWIFT, не отключены еще многие банки. Они предприняли очень важные шаги, чтобы поддержать нас, но центральный банк России не был отключен. Ввести эмбарго на экспорт нефти и газа из России. Все эти санкции неполные. Им угрожали, но еще не реализовали. Сейчас мы слышим, что решение зависит от того, начнёт ли Россия химическую атаку на нас. Это не правильный подход. Мы не морские свинки, над которыми нужно экспериментировать.

[Наши партнеры] сейчас смотрят на Россию через военно-стратегическую призму и используют Украину как щит. Мы те, кто чувствует боль. Хорошо, что они на стороне Украины, но они должны перестать занимать оборонительную позицию в диалоге с Россией. Мы настаиваем на том, что они могут действовать наступательно. SWIFT по-прежнему работает в России для руководителей России. Не забывайте, что простые россияне сейчас изолированы, лишены информации. Они не знают, что происходит.

Ситуация, когда украинский народ, а не украинский президент, [используется как щит, неверна]. Украинский народ умирает. Русские люди не знают, что происходит. Они не понимают. Социальные сети были закрыты, и многие люди, я думаю, 90-95% смотрят телевизор, это намного больше, чем в Украине и Европе. Это большая проблема, потому что [Кремль] контролирует все уровни власти и всю эту информацию. Поэтому я настаивал на санкциях и получении оружия.

Тем временем русские перекрыли наши поставки в Мариуполь, Мелитополь, Бердянск, Херсон, Харьков, но их нет в городах. Что они делают? Например, в Мелитополе и Бердянске переходят на рубли. Они похищают мэров наших городов. Они убили некоторых из них. Некоторые из них мы не можем найти. Некоторые из них мы уже нашли, и они мертвы. И некоторые из них были заменены. Они делают то же самое, что делали на Донбассе в 2014 году. Эти операции проводят те же люди. Это та же методология.

[Запад] не может сказать: «Мы поможем вам в ближайшие недели». Это не позволяет нам разблокировать оккупированные Россией города, подвозить туда еду жителям, брать военную инициативу в свои руки. Люди просто не в состоянии выбраться. Там нет ни еды, ни лекарств, ни питьевой воды. И это то, что мы должны сделать. Это вопросы, которые нужно решать сегодня и завтра, а не через пару недель.

Некоторые небольшие города были разрушены. Нет ни людей, ни домов. Осталось только имя. Конечно, виновата Россия, но мы туда опоздали из-за сложностей, пока летели бомбы. Вот почему мы просили военную авиацию,

поэтому мы просили установить бесполетную зону, потому что русские сбросили бомбы на эти маленькие города, которые сейчас существуют только как точки на карте.

ТЭ: Когда вы просили о большем количестве вооружений, президент Франции **Макрон сказал, что наступательные вооружения, такие как танки, являются красной чертой**, которую партнеры Украины не могут перейти. Почему?

ВЗ: Потому что **они боятся России**. Вот и все. И те, кто говорят это первыми, первыми и боятся.

ТЭ: Борис Джонсон был гораздо более заинтересован в отправке оружия.

ВЗ: Да. Честно говоря, Джонсон — лидер, который больше помогает. Лидеры стран реагируют в соответствии с тем, как действуют их избиратели. В данном случае Джонсон является примером.

ТЭ: А немцы? После вторжения произошел внезапный сдвиг, и внешняя политика Германии, казалось, изменилась очень быстро. Они беспокоятся о том, чтобы сделать больше?

ВЗ: Они пытаются быть сбалансированными. У них давние отношения с Россией и они смотрят на ситуацию через призму экономики. Они выручают временами. Думаю, они пытаются приспособиться к ситуации по мере ее развития. Они также смотрят, как ситуация влияет на их собственную страну. Они могут помочь, если на них оказывается давление внутри страны, и они могут остановиться, когда увидят, что того, что они сделали, достаточно. Я думаю, что Германия более прагматична, чем кто-либо другой, в отношении ситуации среди тех стран, которые действительно могут помочь. Дело не всегда в нас, в том, что нам нужно и что нужно миру. Я думаю, что сегодня немцы совершают ошибку. Думаю, они часто ошибаются. Я думаю, наследие отношений Германии с Россией показывает это.

У всех разные интересы. На Западе есть те, кто не возражает против длительной войны, потому что это будет означать истощение России, даже если это будет означать гибель Украины и будет стоить украинских жизней. Это определено в интересах некоторых стран. Для других стран было бы лучше, если бы война закончилась быстро, потому что рынок России большой, и их экономика страдает в результате войны. Они хотели бы, чтобы Россия сохранила определенные рынки. Другие, действительно богатые страны, признают нацизм в России и обязательно хотят, чтобы Украина победила. И есть еще другие страны, более мелкие страны, которые

полностью нас поддерживают, но они более либеральные государства и озабочены гуманитарными вопросами. Они хотят, чтобы война закончилась быстро любой ценой, потому что думают, что люди на первом месте.

ТЭ: К какой категории вы бы отнесли Великобританию?

ВЗ: Великобритания определенно на нашей стороне. Он не выполняет балансировку. Великобритания не видит альтернативы выхода из ситуации. Великобритания хочет, чтобы Украина победила, а Россия проиграла, но я не готов сказать, хочет ли Британия затягивания войны или нет.

ТЭ: Что касается Соединенных Штатов, то они в первой группе?

ВЗ: Посмотрим. Но они помогают. У многих стран Европы, особенно в НАТО, есть, как говорят наши солдаты, много инструментов. Вот почему США подтолкнули многие страны помочь нам, но немного медленнее, чем нам нужно.

ТЕ: Как изменились ваши отношения с президентом Америки Джо Байденом? **Признает ли он, что вы не просто получатель, что вы управляете процессом?**

В.З.: **На этот вопрос нет однозначного ответа**, потому что в США есть разные центры силы. Вы это знаете лучше меня. Действительно, и Конгресс, и Сенат поддерживают Украину. Это верно. Но были времена, когда происходили определенные сражения, включая выборы, которые влияли на предпринятые ими шаги и их решимость. Одни процессы продвигаются быстро, другие тормозятся из-за бытовых проблем. **Байден рассматривает Украину скорее как субъект** [политической деятельности], чем изначально. Были разные моменты и разные процессы, и я признаю, что такая позиция выгодна не всем в Соединенных Штатах.

ТЭ: Чего вы больше всего хотите от Запада?

ВЗ: Самолеты, танки и бронетранспортеры. У нас их не так много, как нам нужно. Мы многое взяли у русских. Они бегут. Они боятся наших солдат и бегут. Кажется, вчера мы получили 12 или 17 танков.

ТЕ: **Вас беспокоит истощение запасов** необходимой военной техники?

ВЗ: У русских тысячи военных машин, и они все идут, идут и идут. Если **мы можем пошутить в этой ситуации, я это сделаю**. Есть города, где столько танков, что они не могут уйти. **«У них танковые пробки»**.

ТЭ: Где?

ВЗ.: У нас есть знаменитый город Чернобаевка (Херсонская область), где мы в десятый раз обстреляли российские воинские части. Русские не понимают, что происходит, теряются и продолжают возвращаться на одно и то же место. У русских тысячи боевых машин. Дело не в том, что у Украины кончаются танки, а у нас их все меньше и меньше, потому что танки и бронетехнику нам никто не продает. Это большая проблема для нас. Мы не получили самолетов, бронетехники и танков. Мы уже дали список военной техники, которую мы ищем. Мы знаем, чего хотим, где это и сколько нам нужно. Советское оборудование имеется. Хорошо. Нам все равно. Наши письма получили все страны, обладающие этим оборудованием.

ТЕ: У вас есть какие-то успехи в приобретении оборудования?

ВЗ: Не знаю. Это зависит от воли этих стран и от США, НАТО. Многие из этих стран, особенно европейские, говорят, что им нужно разрешение НАТО, а у них его нет.

ТЭ: Возможен ли прочный мир с Владимиром Путиным в Кремле?

ВЗ: Не знаю. Я не знаю, знает ли вообще Путин ответ на этот вопрос. Я думаю, что многие факторы будут влиять на его решение. Стабильность в регионах присутствия России будет играть роль и влиять на его решения. Вопрос о том, как изменятся отношения между Россией и Украиной в результате случившегося, большой. У меня нет на это ответа. Это большая проблема, очень большая проблема.

ТЭ: Вы сказали, что хотите встретиться с Путиным лицом к лицу. Что бы вы сказали ему?

ВЗ: Много чего. Мы должны говорить. Дело не в одном вопросе, одном ответе. Это о решениях. Мы должны говорить о конкретных вещах, о конкретных месяцах, может быть, что-то о годах, может быть, что-то решать сейчас, может быть, говорить, если мы не можем найти решение и договориться не бороться из-за этого. Это моя философия. Делаем все пошагово. Давайте найдем решение шаг за шагом. Мы можем говорить обо всем. Но мы не можем идти на компромисс во всем. Мы должны понимать, что Украина – это наша земля. Он должен понимать, что происходит, и мы должны понимать друг друга, если это возможно. Дело не в уважении, не в любви или еще в чем-то. Дело не в чувствах. Это очень конкретно. Есть проблема и надо в ней детально разобраться и решить.

ТЭ: Вы считаете, что принципиально Путин считает, что Украина не имеет права на существование?

В.З.: Не думаю, что он представляет себе ту Украину, которую видим мы. Он видит Украину частью своего мира, своего мировоззрения, но это не соответствует тому, что произошло за последние 30 лет. Я не думаю, что Путин находится в бункере две недели или шесть месяцев, а больше двух десятилетий. Я не имею в виду это буквально, но в том смысле, что он был в информационной изоляции, получая информацию от своего кружка. И Украина, пока он находится в этом бункере, существенно изменилась. Так что то, как он видит Украину, сильно отличается от той Украины, которая существует в реальной жизни.

ТЭ: У Путина взгляд 20-го века на страну 21-го века.

ВЗ: Да. Это его проблема.

ТЕ: Для вас «победа» означает спасение как можно большего количества жизней, но с политической точки зрения это может быть несостоятельно. Как можно побеждать, спасать жизни и одновременно спасать страну? Это вообще возможно?

В.З.: Спасти всех, отстоять все интересы, при этом защитить людей и не отдать территорию, наверное, невыполнимая задача. Ты прав. Это представляет трудный выбор, но иногда существуют так называемые «принципиальные» решения. Возьмем, к примеру, города, которые, если бы мы решили отказаться от них добровольно, взял бы Путин, который продолжал бы наступать, все дальше и дальше, потому что у него аппетит голодного человека. Здесь важно не то, что этот выбор является «хорошим» или «плохим» как таковым. Важно то, что решение принимается вместе с народом.

Вы только посмотрите на людей в Херсоне, которые махали руками посреди улицы, чтобы остановить танки. Они решили встать и сделать это по собственной воле. Я не мог приказать им не делать этого или бросаться под гусеницы танков. Я останусь с этими людьми до конца.

Перед каждым стоит выбор: рискнуть стать жертвой. Это самое сложное в изготовлении. Возможно, что какие-то компромиссы, которые не будут угрожать нашему физическому выживанию, будут сделаны для спасения жизней тысяч людей. Что касается компромиссов, которые могут привести к распаду страны, тех, которые Путин предлагает, вернее требует в форме ультиматума, мы никогда не пойдём на них. Никогда.

Мы побеждаем, пока твердо намерены не поддаваться этим требованиям. Я думаю, что мы побеждаем. Военная обстановка сложная, но мы отбиваем атаки.

Оккупанты даже не оплакивают собственные потери. Это то, чего я не понимаю. Около 15 000 [российских солдат] были убиты за один месяц. Мы в Украине говорим о нашей войне, которая длится уже восемь лет. Восемь лет! За восемь лет мы также потеряли 15 000 жизней. А Россия за месяц теряет 15 000 своих солдат! Он бросает русских солдат, как поленья в топку поезда. И даже не хоронят. Их вообще не хоронят. Их трупы оставляют на улицах. В нескольких городах, небольших городах наши солдаты говорят, что из-за запаха невозможно дышать. Это запах гниющей плоти. Это полный кошмар.

Наши бесстрашные солдаты сейчас защищают Мариуполь. Они могли бы уйти сейчас, если бы захотели. Они могли бы уже давно уехать, но они не покидают город. Ты знаешь почему? Потому что в городе есть еще живые со своими ранеными. А еще есть мертвые, павшие товарищи. Защитники Украины говорят, что они должны остаться и похоронить погибших в бою и спасти жизни раненых в бою. Пока люди живы, мы должны продолжать их защищать. И в этом принципиальная разница между тем, как видят мир противоборствующие стороны в этой войне.

***

«...Когда человек не такой как вообще, потому один такой, а другой такой, и ум у него не для танцевания, а для устройства себя, для развязки своего существования, для сведения обхождения, и когда такой человек, ежели он вчЕный, подымится умом своим за тучи, и там, умом своим становится — становится ещё выше Лаврской колокольни, и... когда он студова глянет вниз, на людей, так они ему покажутся, кажутся такие такие махонькие-махонькие, все равно как... мыши, ы... пардон - как крИсы. Потому Што это-же ЧЕЛАВЕК, а тот который, он... он тоже, человек, невчЕный, но - и... зачем же, это же ведь - очень и очень... ДА — Да... но —НЕТ...»

***

The
Economist

Volodymyr Zelensky in his own words

The transcript from his meeting with our journalists

Mar 27th 2022

ON MARCH 25TH 2022 Ukraine's president spoke in person to The Economist in what he and his staff have taken to calling "the fortress". Here are highlights of what he told us—switching freely between English, Ukrainian and Russian. We have edited them for clarity.

The Economist: You are an actor and president. Now you are being called a 21st-century Churchill. It's an extraordinary change. How did it happen?

Volodymyr Zelensky: I think that these changes happened already in Ukraine when they elected me. It's what [the people] wanted. They saw my honest position on everything. Like your father says, if you don't know how to do something this way or that way, be honest and that's it. You have to be honest, so that people believe you. You don't need to try. You need to be yourself. And maybe, after you show who you are, maybe people will love you more than before, because they see that you are not so strong or are lazy at times. No, each time don't lie and show

people who you are exactly. And it's important not to show that you are better than who you are.

TE: Did you always have it in you to be so brave? To be such a strong person?

VZ: It's not about being brave. I have to act the way I do. I have to do it this way. None of us was ready for the war before it began. You can't say, "If I were the President of Ukraine, then I would do it this way", because you can't imagine what it would mean. And you can't imagine even how you will do it. That's what it was like in this case with me. And all of the people around me.

TE: But you changed the way you govern?

VZ: Yes, of course. I understood what was going on. I understood many months ago what was going on. That [this] is a very big story. It's not only about Ukraine. It's about the world, about the politicians of the world and I think we can speak about it after we win. Yes, and I hope we win. I'm sure we'll win. That's why I'm saying that I am not a hero. I understood what was going on. I wanted to change attitudes towards Ukraine. On one level it's not about who has more weapons or more money or gas, oil etc. That's why we have to have agency. That's the first thing that I understood.

TE: Can you remember the moment when you understood what the conflict with Russia would be about?

VZ: I think it was when I became president. I could understand why some things were going on in a certain way and I tried to be honest with many world leaders, including those in Russia, of course. We had meetings. You remember our first meeting, our first and last meeting in 2019, with Putin at the Normandy Four talks?

We began to come to [the] decision that we can't be part of somebody. I wanted to change attitudes towards Ukraine, because, just to be clear, Ukrainians are people who are the same as people [in] the USA and Europe and Russia. We are the same. We are on one level. It's not about who has more weapons or more money or gas or oil, et cetera. And that's why we have to have agency. That's what I understood, the first thing that I understood, that we the people have [agency]. People are leaders and political leaders are losers, some of them. We began to do things this way and to develop this policy.

TE: So, now you are speaking to the people of the West, rather than to their politicians?

VZ: Yes. Yes, of course. I think so. Sometimes I think politicians live in an information vacuum. What we see is that this is a closed atmosphere with Putin now. So, he doesn't know. I can't describe everything that is going on with him. I can't describe it, because I don't know with whom he speaks each day or each week or each two weeks. That's information we don't have. That means he can't understand or he couldn't know what's going on outside. Even me, when the war started, and I am very open to people... Even me, if I were sitting in the office and I don't go outside for three or four days, I would not have correct information about what is going on in the world.

TE: When the war started did you suddenly click and think: "This is what the people want me to do... and I'm doing it." Or was it your decision, thinking, "This is what I'm doing and you have to support me"?

VZ: I think that nobody, nobody, understood what to do when it began. I was in Kyiv, in the house, at the residence. I was home at that moment. It was 04:50am. With my wife and kids. They woke me up. They told me there were loud explosions. After a couple of minutes, I received the signal that a rocket attack was under way. They didn't know what was going on. We knew that they were preparing [to attack]. We knew it, of course. The first thing we did was call a State of Emergency and, a couple of days later, at a meeting of the National Security and Defence Council, we declared Martial Law. We understood that the Russians could attack, but we didn't understand the magnitude.

TE: Let's talk about now, about where we are in this stage of the war. Do you think there is any chance you can win?

VZ: We believe in victory. It's impossible to believe in anything else. We will definitely win because this is our home, our land, our independence. It's just a question of time.

TE: What does a Ukrainian victory look like?

VZ: Victory is being able to save as many lives as possible. Yes, to save as many lives as possible, because without this nothing would make sense. Our land is important, yes, but ultimately it's just territory. I don't know how long the war will last, but we will fight to the last city we have. From the start, when you choose an option about what people should do or not do, people don't understand what a full-fledged war is. My job is to give a signal so that people know how to act.

And when you show how Ukraine is supposed to behave, you also have to behave accordingly [yourself]. There was a decision whether to stay or leave. We are all wounded and hurt in the same way. [My decision to stay] was my signal to people

about how we should respond to the attack. It's about how the war started and how it's going to end. It will end with us still standing here defending.

That's my response to the question about what Ukraine's victory will look like. Our victory may be temporary, maybe without resolving all issues, but we have chosen the direction we will move in.

TE: Do you need more help to win? And if so what kind?

VZ: We have a long list of items we need. The first thing is to put yourselves in our place and act pre-emptively, not after the situation becomes complicated. This concerns our partner countries. Here we are talking about sanctions. I am sure that if tougher sanctions had been levied earlier, a full-scale Russian attack would not have occurred.

TE: You mean it wouldn't have happened?

VZ: It would have been on a different scale and without the assistance of Belarus, giving us more time. They would have shown Belarus what could happen if pre-emptive sanctions involving Russian businesses, oil and gas exports, etc were taken, and this taking into account that Belarusians do not support [Russia's war against Ukraine]. Pre-emptive sanctions would have given more time to Ukraine's military to prepare for Russia's further invasion

I had raised the Nord Stream 2 pipeline with Biden and Merkel, when she was still in office, and Scholz. I said the first step will be to launch it, then they will block gas supplies to us, and next they will apply pressure, including on Moldova, and then Russia will block supplies in order to split countries within the EU. After that, the next step would be to launch an invasion. Russia was seeking Ukraine's official recognition of Russian sovereignty in Crimea and of Russia-occupied areas in Donetsk and Luhansk regions. They also pushed Europe to pressure us to do so.

What hasn't been done? [Our Western partners] have not completed the sanctions on disconnecting the banking system from SWIFT, many more banks have not been disconnected. They have taken very important steps to support us, but the central bank of Russia has not been disconnected. Impose an embargo on Russian oil and gas exports. All these sanctions are incomplete. They have been threatened, but not yet implemented. Now we are hearing that the decision depends on whether Russia launches a chemical attack on us. This is not the right approach. We are not guinea pigs to be experimented on.

[Our partners] view Russia now through a military-strategic lens and are using Ukraine as a shield. We are the ones who are feeling the pain. It is good that they

are on the side of Ukraine, but they have to stop being defensive in their dialogue with Russia. We insist they can act offensively. SWIFT is still operating in Russia for the leaders of Russia. Don't forget that ordinary Russians are now isolated, deprived of information. They don't know what's going on.

The situation where the Ukrainian people, not the Ukrainian president, [is being used as a shield is wrong]. Ukrainian people are dying. Russian people don't know what's going on. They don't understand. Social media have been shut down and a lot of people, I think 90-95%, are watching television, a much higher percentage than in Ukraine and Europe. It's a big problem because [the Kremlin] controls all levels of power and all this information. This is why I pushed for sanctions and to receive weapons.

Meanwhile, the Russians have blocked our supplies to Mariupol, Melitopol, Berdyansk, Kherson, Kharkiv, but they're not in the cities. What do they do? For example, in Melitopol and Berdyansk they are switching to roubles. They are kidnapping the mayors of our cities. They killed some of them. Some of them we can't find. Some of them we have found already, and they are dead. And some of them were replaced. They are doing the same thing that they did in Donbas in 2014. The same people are carrying out these operations. It's the same methodology.

[The West] can't say, "We'll help you in the weeks [to come]." It doesn't allow us to unblock Russia-occupied cities, to bring food to residents there, to take the military initiative into our own hands. People are simply not able to get out. There is no food, medicine or drinking water there. And this is something we must do. These are issues which need to be addressed today and tomorrow, not in a couple of weeks.

Some small cities have been destroyed. There are no people and no houses. All that's left is the name. Of course, Russia is to blame, but we were late in getting there, because of difficulties while bombs were flying. This is why we asked for military aircraft, why we asked for a no-fly zone to be established, because the Russians dropped bombs on these small cities, which only exist now as dots on a map.

TE: When you were asking for more arms, President Macron of France said that offensive weapons like tanks were a red line which Ukraine's partners could not cross. Why?

VZ: Because they are afraid of Russia. And that's it. And those who say it first are the first to be afraid.

TE: Boris Johnson has been much keener to send weapons.

VZ: Yes. To be honest, Johnson is a leader who is helping more. The leaders of countries react according to how their constituents act. In this case, Johnson is an example.

TE: And what about the Germans? There was a sudden shift after the invasion and German foreign policy appeared to change very quickly. Are they worried about doing more?

VZ: They are trying to be balanced. They have a long relationship with Russia and they are looking at the situation through the prism of the economy. They help out at times. I think they are trying to adjust to the situation as it develops. They are also looking at how the situation affects their own country. They can help, if there is pressure on them domestically to do so, and they can stop when they see what they have done is sufficient. I think Germany is more pragmatic than anyone else with regards to the situation among those countries which can really help. It's not always about us, what we need and what the world needs. I think the Germans are making a mistake today. I think they make mistakes often. I think the legacy of Germany's relations with Russia shows this.

Everyone has varied interests. There are those in the West who don't mind a long war because it would mean exhausting Russia, even if this means the demise of Ukraine and comes at the cost of Ukrainian lives. This is definitely in the interests of some countries. For other countries, it would be better if the war ended quickly, because Russia's market is a big one that their economies are suffering as a result of the war. They would like to see Russia keep certain markets. Other, truly wealthy countries, recognize Nazism in Russia and definitely want Ukraine to be victorious. And there are still other countries, smaller countries, which support us completely, but they are more liberal states and concerned with humanitarian issues. They want the war to end quickly at any cost, because they think people come first. And then there is the category of countries wanting the war to end quickly in any way possible because they can be considered as "the offices of the Russian Federation in Europe."

TE: What category would you put Britain in?

VZ: Britain is definitely on our side. It is not performing a balancing act. Britain sees no alternative for the way out of the situation. Britain wants Ukraine to win and Russia to lose, but I'm not ready to say whether Britain wants the war to drag on or not.

TE: As for the United States, are they in the first group?

VZ: We'll see. But they help. A lot of countries in Europe, in NATO, especially, have, as our soldiers say, many instruments. This is why the USA has pushed a lot of countries to help us, but a little bit more slowly than we needed.

TE: How has your relationship with America's President, Joe Biden, changed? Does he recognise that you are not just a recipient, that you are driving the process?

VZ: There isn't a straightforward answer to that question, because there are different centres of power in the United States. You know this better than I. Indeed, both the Congress and the Senate support Ukraine. This is true. But there have been times when there were certain battles, including elections, which have influenced steps they have taken and their resolve. Some processes move quickly, while others are held up because of domestic issues. Biden views Ukraine more as a subject [of political activity] than at the start. There have been different moments and different processes, and I recognise that this stance does not benefit everyone in the United States.

TE: What do you most want from the West?

VZ: Aeroplanes, tanks and armoured personnel vehicles. We don't have as many as we need. We have taken a lot from the Russians. They are running. They are afraid of our soldiers and they are running. I think yesterday we got 12 or 17 tanks.

TE: Are you worried about exhausting the supply of essential military hardware?

VZ: The Russians have thousands of military vehicles, and they are coming and coming and coming. If we can joke in this situation, I will. There are some cities, where there are so many tanks, they can't go away. They have tank traffic jams.

TE: Where?

VZ: We have our famous city Chornobaivka (in the Kherson region), where we have bombarded Russian military units for the tenth time. The Russians don't realise what is happening, get lost, and keep on returning to the same place. The Russians have thousands of military vehicles. It's not that Ukraine is running out of tanks, but we have fewer and fewer, because no one is selling us tanks and armoured vehicles. This is a big problem for us. We have not received planes, armoured vehicles and tanks. We have already given a list of the military hardware we are looking for. We know what we want, where it is and how many we need. Soviet hardware is available. That's fine. It's all the same to us. All the countries which possess this equipment have received our letters.

TE: Are you making any progress in getting the equipment?

VZ: I don't know. It depends on the will of these countries and on the USA, NATO. Many of these countries, especially European countries, say they need the permission of NATO, and they don't have it.

TE: Can there be a lasting peace with Vladimir Putin in the Kremlin?

VZ: I don't know. I don't know if Putin even knows the answer to this question. I think many factors will weigh on his decision. Stability in regions where Russia is present will play a role and influence his decisions. The issue of how relations between Russia and Ukraine will change as a result of what has happened is a big one. I don't have an answer to this. This is a big problem, a very big problem.

TE: You have said you want to meet Putin face-to-face. What would you say to him?

VZ: There are a lot of things. We have to speak. It's not about one question, one answer. It's about decisions. We have to speak about concrete things, about concrete months, maybe something about years, maybe something to decide now, maybe to talk if we can't find a decision and agree not to fight about it. That is my philosophy. Let's do everything step by step. Let's find a decision one step at a time. We can talk about everything. But we can't compromise on everything. We have to understand that Ukraine is our land. He has to understand what is going on and we have to understand each other, if it's possible. It's not about respect, about love, or something else. It's not about feelings. It's very concrete. There is a problem and we have to figure it out in detail and solve it.

TE: Do you think that fundamentally Putin believes Ukraine has no right to exist?

VZ: I don't think he visualises in his own mind the same Ukraine we see. He sees Ukraine as a part of his world, his worldview, but that doesn't correspond with what's happened over the last 30 years. I don't think Putin has been [in] a bunker for two weeks or six months, but for more like two decades. I don't mean this literally, but in the sense that he has been in information isolation getting fed information by his coterie. And Ukraine, while he's been in this bunker, has changed significantly. So the way he sees Ukraine is very different from the Ukraine that actually exists in real life.

TE: Putin has a 20th-century view of a 21st-century country.

VZ: Yes. That is his problem.

TE: For you 'victory' means saving as many lives as possible, but politically that might be untenable. How can you win, save lives and at the same time save the country? Is this even possible?

VZ: To save everyone, defend all interests while protecting people and not giving up territory is probably an impossible task. You're right. This presents a difficult choice, but sometimes there exist so-called "principled" decisions. Take, for example, cities, which, if we decided to abandon them voluntarily, would be taken by Putin, who would continue advancing, farther and farther, because he has the appetite of a hungry person. What's important here is not that this choice is a "good" one or "bad" one, per se. What's important is that the decision is made together with the people.

Just take a look at the people in Kherson who waved their hands in the middle of the streets in order to stop tanks. They decided to stand up and do this of their own volition. I could not have ordered them not to do it or to throw themselves under the tank treads. I will stay with these people until the end.

Everyone faces the choice of whether to risk becoming a casualty. It's the most difficult one to make. It's possible that some compromises, ones which don't risk our physical survival, will be made to save the lives of thousands of people. As for compromises that may risk the disintegration of the country, the ones which Putin proposes, or rather demands in the form of an ultimatum, we will never make them. Never.

We win as long as we remain resolute about not giving into these demands. I think that we are winning. The military situation is difficult, but we are repulsing attacks.

The invaders do not even mourn their own casualties. This is something I do not understand. Some 15,000 [Russian soldiers] have been killed in one month. We in Ukraine talk about our war that has lasted for eight years. Eight years! In eight years, we have also lost 15,000 lives. And Russia loses 15,000 of its soldiers in a month! He is throwing Russian soldiers like logs into a train's furnace. And, they are not even burying them. They are not burying them at all. Their corpses are left in the streets. In several cities, small cities, our soldiers say it's impossible to breathe because of the smell. It is the stench of rotting flesh. It's a complete nightmare.

Our fearless soldiers are defending Mariupol now. They could have left now, if they wanted. They could have left a long time ago, but they are not leaving the city. Do you know why? Because there are still others alive in the city along with their wounded. And then there are the dead, the fallen comrades. Ukraine's defenders say they must stay and bury those killed in action and save the lives of

those wounded in action. As long as people are still alive, we must continue to protect them. And this is the fundamental difference between the way the opposing sides in this war see the world.

***

«...Когда человек не такой как вообще, потому один такой, а другой такой, и ум у него не для танцевания, а для устройства себя, для развязки своего существования, для сведения обхождения, и когда такой человек, ежели он вчЕный, подымится умом своим за тучи, и там, умом своим становится — становится ещё выше Лаврской колокольни, и... когда он студова глянет вниз, на людей, так они ему покажутся, кажутся такие такие махонькие-махонькие, все равно как... мыши, ы... пардон - как крИсы. Потому Што это-же ЧЕЛАВЕК, а тот который, он... он тоже, человек, невчЕный, но - и... зачем же, это же ведь - очень и очень... ДА — Да... но —НЕТ...»

***